

Министерство науки и высшего образования РФ
Смоленский государственный университет
Кафедра литературы и журналистики

СМОЛЕНСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск XVI

Труды молодых ученых

Смоленск
Издательство СмолГУ
2024

УДК 80
ББК 80
С 511

*Печатается по решению редакционно-
издательского совета СмолГУ*

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент М.Л. Рогацкина;
доктор филологических наук, доцент А.В. Радионова.

Смоленский филологический сборник. Вып. XVI.
С 511 Труды молодых ученых / ред. Л.Г. Каяниди. Смоленск: Изд-
во СмолГУ, 2024. 191 с.

ISBN 978-5-88018-538-2, продолжающееся издание

В сборник вошли исследовательские работы молодых ученых-филологов Смоленского государственного университета, посвященные фольклору, древнерусской литературе и творчеству русских писателей и поэтов XIX–XXI вв.

УДК 80
ББК 80

ISBN 978-5-88018-538-2,
продолжающееся издание

© Авторы, 2024
© Издательство СмолГУ, 2024

Андрей Артемович Резвый
Смоленский государственный университет
Студент 2 курса
a.rezvyu@mail.ru
Научный руководитель – доцент Л.Г. Каяниди
УДК 398.2.

СМОЛЕНСКИЙ ОДИССЕЙ: СКАЗКА «ФЕДОР БАРМА-ПЬЯНИЦА» ИЗ «СМОЛЕНСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА» В.Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Ключевые слова: *генезис образов сказки; авантюрная сказка; Борма-ярыжка; ареальные особенности; Добровольский; Одиссея; фольклор; рукописи; Вавилон; Византия; царские регалии; циклоп; змей; одноглазый людоед; лев.*

В данной статье пойдет речь о сказочном типе 485 СЭС «Борма-Ярыжка». По сюжету сказки герой по приказу царя, попадает в царство, полное змей, достает регалии, после чего проделывает обратный путь, вместе с тем совершая некоторые авантюры: заключает ложный брак с богатыркой и сбегает, под видом врачевания ослепляет циклопа и спасается от льва, которому герой дал обещание и нарушил его, во всех своих грехах обвинив хмель. Данный тип примечателен тем, что своими корнями он восходит к тем древним памятникам отечественной и зарубежной письменности, связь между которыми полностью отсутствует. Вопрос о причинах возникновения данной связи открыт до сих пор, и в современном российском сказковедении этот казус объясняется восхождением сказочного типа 485 к некоему утерянному литературному источнику, в котором и происходит соединение отдельных мотивов в цельный сюжет. Однако даже с имеющимися данными генезис сюжетных элементов «Бормы-ярыжки» возможно определить, проанализировав происхождение каждого отдельного эпизода: обрамляющей части (путешествия за регалиями) + богатырка, циклоп, лев. Не стоит также забывать об ареальных особенностях сказок, относящихся к данному типу. Речь в данной статье пойдет про смоленскую редакцию типа «Борма-ярыжка», носящую название «Федор Барма-пьяницы», а конкретнее про её генезис. Данная версия отличается некоторой общей сжатостью содержания, так как в ней полностью отсутствует эпизод «богатырка», а эпизод «лев» представлен редуцированно из-за отсутствия мотива «Силы хмеля». В ходе данного исследования выяснилось: наибольшее влияние на смоленскую сказку оказал Русский Север, ставший для «Федора Бармы-пьяницы» мотивным эпицентром; обрамляющая часть сказки восходит к двум памятникам литературы, а именно «Сказание о Вавилонском царстве» и «Притча о Вавилоне-граде», что лучше всего прослеживается в образах уробороса и змеиной царицы; эпизод «циклоп» восходит в большей мере к сюжету, в основе которого лежит поэма Гомера «Одиссея»,

«Долопатос, или о царе и семи волхвах», чем к древнегреческому эпосу в первородном виде.

Современное состояние российского сказковедения ознаменовано появлением типологий различных сказочных сюжетов [Каяниди 2017а], [Каяниди 2020], [Добровольская, 2022], [Неклюдов, 2023а], [Каянідзі 2024], Особое внимание в последнее время уделяется смоленским сказкам [Каяниди 2017b], [Каяниди, Высокович, Степченков, Федоренко, 2018, с. 16–106], [Каяниди 2019], [Каяниди 2022]. Наше исследование, посвященное сказке о Барме-Ярыжке, находится в русле этой тенденции.

Смоленщина относится к периферии ареала распространения сказочного типа СУС 485. «Пограничный» характер смоленского «Борма-ярыжки» накладывает отпечаток на структуру сказочного сюжета и его семантику. Этим определяется актуальность нашего исследования, главная цель которого – выявить специфику сказки «Федор Барма-пьяница» из «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского.

Обобщающее исследование сказочного типа СУС 485 представлено в статье С.Ю. Неклюдова «Сказочный сюжет как продукт литературно-фольклорного синтеза: казус АaTh 485А». Здесь был подробно изучен генезис большинства мотивов сказочного типа «Борма-ярыжка», выдвинута гипотеза о причине расположения представленных эпизодов в строго определенном порядке (сказочный тип основан на определенном популярном в свое время и ныне утерянном литературном источнике), введена специальная терминология, которая будет использована и в данной статье (например, названия эпизодов «обрамляющая часть», «Богатырка», «Циклоп», «Лев»). Открытие связи эпизода «Циклоп» со средневековым произведением «Долопатос, или О царе и семи волхвах» стало возможным благодаря подробному изучению немецким фольклористом Дж. А. Конрадом в работе «Polyrhem» различных межкультурных вариаций сюжета с противоборством героя и одноглазого великана, впервые использованном в древнегреческой поэме Гомера «Одиссея». В работе Ереминой «An international tale-type: “The City of Babylon”» был изучен сюжетный мотив из устного повествования о путешествии в Вавилон, являющийся корнем обрамляющей части «Федор Барма-пьяница».

Действие сказки начинается с того, что царь отправляет в змеиное царство Федора Барму-пьяницу, чтобы тот украл оттуда скипетр и державу. За это царь обещает навсегда избавить героя от нехватки водки. Федор просит корабль с бритвенными снастями и отправляется в путь.

Прибыв в царство, где гигантский змей обвился вокруг городских стен, герой встречается со змеиной царицей, которая угрожает его жизни. Федор просит ее помолиться перед смертью. Змеиная царица дает ему ключи от храма, но сама туда не идет, так как она чужой веры и проход ей запрещен. Герой под видом молитвы крадет в храме необходимые диковинки. Змеиная царица съедает приставленного к ней матроса и отправляет в погоню за Бармой

змей, которые, настигнув корабль, режутся о бритвенные снасти.

На обратном пути товарищи устраивают заговор, желая утопить героя, а тот, узнав об этом, покидает судно на шлюпке. После этого товарищи начинают отовсюду забирать золото, и в один момент под его весом корабль со всеми матросами тонет.

Затем Барма попадает к одноглазому богатырю фармазону Козьме Кривому, который, приняв героя за доктора, требует вставить себе новый глаз. Федор придумывает способ обмануть циклопа, предварительно связав последнего и залив здоровый глаз оловом вместо отливки нового. Герой прячется под брюхом козла, который пытается выдать Барму Козьме, бодая великана. Циклоп не понимает сигнала и выкидывает животное с героем за ограду. Федор насмехается над Козьмой, а тот кидает герою заколдованную саблю в качестве подарка царю. Барма прикасается к предмету мизинцем и прилипает к нему. Чтобы продолжить путь, герой отрезает себе палец.

Затем Барма встречает борющихся льва и змея, и те обещают доставить героя домой, если он поможет кому-то из них победить. Герой убивает змея, и лев доставляет Барму к царю, который за добытые властные реликвии (скипетр и державу) выполняет обещание и открывает Федору и его друзьям неограниченный доступ в кабак.

Сюжет сказки почти полностью восходит к двум сказочным типам: «Борма-ярыжка» (ATU, СУС 485), что означает «Вор-пьяница», и «Ослепленный людоед» (ATU, СУС 1137), а также содержит элементы типа «Сила хмеля» (ATU, СУС 485B).

Смоленская сказка содержит лишь незначительные разночтения с указателями сюжетов: у Добровольского царь посылает героя за скипетром и державой, а не за короной; враждебная местность называется змеиным царством, а не Вавилоном; герой Добровольского избавляется от змеиного преследования при помощи бритвенных снастей, а не пороха; Козьма пасет козлов, а не баранов; Барма ослепляет циклопа, залив его глаз оловом, а не проткнув копьем; Козьма в качестве ловушки бросает Федору заколдованную саблю, а не кольцо, заставляющее кричать: «Я здесь». Перечисленное отличается только предметно-фактически, а не функционально.

Для смоленской сказки о Борме-Ярыжке характерны также некоторые частности, проявляющиеся не на сюжетном, а на образном и мотивном уровне.

В сказке Добровольского большой акцент делается на вере вредителей. Смоленский Полифем Козьма назван фармазоном, т.е. франк-масоном. Змеиная царица тоже придерживается иной веры. Это напрямую влияет на сюжет, так как именно благодаря запрету посещения храма антагонисткой у героя появляется возможность достать необходимые диковинки без предварительного боя.

У Добровольского появляется мотив предательства героя командой матросов, оно проявляется в желании утопить Федора. Наличие корабельной команды – примета смоленской записи.

Не сам Барма представляется врачом, чтобы спасти свою жизнь, а Козьма

Кривой заставляет героя сделать ему новый глаз.

В сюжете АТУ 1137 заколдованный предмет помогает герою окончательно избавиться от великана, так как Барма, отрубив палец с кольцом, бросает его в реку, а великан бросается за предметом и тонет. Этого момента нет у Добровольского, и смоленский Полифем остается жив.

В смоленской сказке полностью отсутствует встреча героя с «дикой женщиной», богатыркой, их совместное проживание, бегство героя от жены и разрыв общих детей богатыркой пополам.

Самое существенное отличие сказки Добровольского от сюжетных типов АТУ заключается в концовке. Стереотипным финальным эпизодом 485В является спасение Бармы от льва с помощью «силы хмеля»: лев доставляет героя домой, запрещая рассказывать о себе, но герой, выпив лишнего, раскрывает секрет своего спасения; после этого бывший волшебный помощник становится вредителем, угрожая жизни хвостуна; герой спасается, обвиняя в своей болтливости хмель, и дает попробовать растение зверю; лев прощает героя. У Добровольского после возвращения Бармы на льве помощник ничего не запрещает герою, и Федор идет к царю за наградой.

С.Ю. Неклюдов установил, что тип 485 состоит из четырех константных элементов: 1. путешествие в змеиное царство, 2. циклоп, 3. богатырка, 4. лев [Неклюдов 2023b, с. 34].

Сказка Добровольского и севернорусская традиция

Сюжет «Борма-Ярыжка» возникает на Русском Севере (Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии), а оттуда уже мигрирует на юго-запад, в Смоленскую и Могилевскую губернии [Неклюдов 2023b, с. 34]. Сказка Добровольского содержит ряд общих черт с севернорусским ядром сюжета 485.

Герой обладает не только прозвищами (Барма, т.е. «вор», Ярыжка, т.е. «пьяница»), но и собственным именем Федор. В архангельской сказке героя зовут Федором Бурмаковым [Ончуков 1908, с. 129-135], в олонецкой – Федором Кормаковым [Ончуков 1908, 445-448]⁷ Наличие собственного имени не исключительная особенность Русского Севера и Смоленской губернии. В восточнославянском ареале преобладает форма «Федор Барма / Борма» [Неклюдов 2023b, с. 62]. Однако сказка Добровольского – единственная из белорусских, где герой обретает имя Федор.

В героине архангельской записи «Вавве-девиче, еретиче» [Ончуков 1908, с. 149-153] подчеркивается ее иноверие, как и у Добровольского.

В смоленской сказке указывается, что Федор Барма-пьяница, как и Федор Бурмаков в архангельской записи [Ончуков 1908, с. 129-135], обнаруживает

⁷ Утверждение в сказочной традиции имени Федор связано с олонецкой редакцией древнерусского «Сказания о Вавилонском царстве», которое легло в основу обрамляющей части сюжета 485. В этой олонецкой редакции Федор Барма, добыв царские регалии в Вавилонском царстве, приносит их в Казань, где ими коронуется на царство Иван Грозный [Барсов, 1883, с. 24-25]. Имя героя этой олонецкой легенды восходит к имени Федора Бармина, протопопа Благовещенского собора, возможно, принимавшему участие в коронации Ивана Грозного [Миллер, 1909, с. 100]. По другой версии, сказочное имя Борма (вместо Барма) восходит к имени легендарного зодчего храма Василия Блаженного, построенного в честь взятия Казани.

царские регалии в месте богослужения (храме, церкви).

У Добровольского Козьма Кривой (циклоп) принимает героя за врача и просит вылечить глаз, отлив новый, подобно Луке-богатырю из «Федора Бурмакова» [Ончуков 1908, с. 129-135] и старику из «Данилы-царевича и Настасьи-царевны» [Ончуков 1908, 149-153], чем пользуется герой для победы.

Животным, благодаря которому герой спасается, в смоленской сказке является козел (как правило, это баран), так же, как и в «Федоре Бурмакове» [Ончуков 1908, с. 129 - 135].

У Добровольского заколдованным предметом, который ослепленный великан бросает герою, является сабля, а не золотое кольцо, что соответствует идентичному моменту ложного дарения сабли Федору Бурмакову Лукой-богатырем [Ончуков 1908, с. 129 - 135].

В севернорусских сказках царица в змеином царстве имеет три облика: 1) Царица, чей образ лишен змееморфности, но не лишен других черт, по которым данный образ угадывается (игра в карты); миксантропическое (змееморфное) существо (в этом случае игра в «пешки» (карты, шашки и т.д.) важна в том смысле, что герой может обнаружить змеиные черты персонажа, посмотрев под стол во время игры [Ончуков 1908, с. 129-135, 445-448, 564-565]; 3)огромная змея, способная съесть нескольких людей [Иваницкий 1890, с 164-165; Ончуков 1908, с. 448-449]. Мотивы игры в «пешки» и съедания матроса не оставляют сомнений, что змеиная царица в сказке Добровольского восходит именно к третьему виду антагониста. Возможность полной, а не частичной змееморфности владычицы змеиного царства не указано в СУСе или АТУ, что может свидетельствовать о том, что данный элемент возник на Русском Севере и в смоленскую редакцию мигрировал напрямую от сказок этого ареала.

Мотив сбрасывания героя в воду моряками в сказке Добровольского также берет свое начало в сказках Русского Севера, в заонежской сказке «Три слова» [Никифоров 1961, с. 90-97], где пьяного героя выбрасывают на середине моря.

Смоленская сказка и древнерусская литература («Сказание о Вавилонском царстве», «Притча о Вавилоне-граде»): образ уробороса и змеиной царицы

Первый эпизод сказки о Барме-Ярыжке – путешествие в змеиное царство. В его основе лежит древнерусское «Сказание о Вавилонском царстве» [Жданов, 1891, с. 269–270]. По его сюжету византийский царь Лев отправляет трех православных послов в падший Вавилон, чтобы те добыли предметы, необходимые для воцарения. На их пути встречаются гады и жабы, которые, по воле Бога, не трогают послов, а только шипят, и спустя время герои доходят до великого змея (уробороса), через которого проложена кипарисовая лестница. Послы доходят до церкви, берут оттуда регалии и драгоценности, которые они приносят царю и получают награду. [Пыпин 1857: 99–102; Веселовский 1876: 122–165; Жданов 1891: 247].

«Сказание...» представляет собой вариант сюжета, по которому герой отправляется за предметами, содержащими магическую силу.

Понять причины заселения Вавилона змеями можно из другого древнерусского текста – «Притчи о Вавилоне-граде». Навуходоносор, заняв вавилонский трон, начинает возводить город и заикливается на изображении змей, приказав рисовать гадов абсолютно на всех предметах, возведит «каменного змея» в качестве ворот и повелевает выковать себе меч-самосек, с которым царь мог побеждать любых врагов. Навуходоносор замуровал его в стене, запретив своему сыну Василию его касаться. Василий Навуходоносович нарушил запрет отца, после чего меч-самосек отрубил голову новому монарху, а все изображенные змеи, включая каменного Уробороса, ожили и съели жителей [Жданов 1891: 279–282]. Главной причиной вымирания Вавилона являются не змеи, а именно грех, так как, по тексту «Притчи», изображения гадов и «каменный змей» были неподвижны до тех пор, пока Василий не нарушил запрет отца, поддавшись искушению взять мощный меч-самосек. Это сближает данный сюжет с библейским мотивом грехопадения [Eremina 2010, с. 114].

Неклюдов считает, что исходной моделью «Сказания...» мог послужить «сказочный тип AaTh 551 [«Water of Life» – A.P.], согласно которому три брата отправляются в некий волшебный город, чтобы добыть для царя, своего отца, чудодейственное (исцеляющее, омолаживающее) средство (ATU 551; СУС 551). Это поручение успешно, хотя и с приключениями, выполняет младший брат. Он умирят чудесных стражей города (~ драконов), овладевает спящей царевной – могучей волшебницей, похищает сокровище и возвращается домой» [Неклюдов 2023b, с. 37]. В типе 551 важен змей, которого герой усыпляет, а также царица, обладательница чудесных артефактов.

Древнейшей фиксацией сюжета, который лег в основу как «Сказания о Вавилонском царстве», так и сказки о Барме-Ярыжке, является древнеегипетская повесть IV в. до н.э. о принце Сетне Хамуасе «Сетне Хамуас и Нанеферкаптах». По его сюжету принц Сетне, увлекающийся древними письменами, узнает, что в гробнице жреца Нанеферкаптах находится книга бога Тота. В гробнице Сетне встречает дух покойной жены жреца, который отговаривает принца забирать эту книгу, и рассказывает историю, как ее муж и брат Нанеферкаптах узнал от священнослужителя о магической книге Тота, наделяющей огромной властью. Жрец нашел железный ящик, который охраняют 6 миль гадов, скорпионов, а вокруг обвивается гигантский змей, опекун Тота. Жрец убивает гадов, сражается со змеем 3 раза, на третий сыплет в его рану песок, чтобы рептилия не срослась, и забирает книгу. Бог Тот рассказывает о произошедшем Ра (Пре) и тот насылет на Нанеферкаптах несчастья: постепенно тонут его жена, ребенок и он сам. Сетне этот рассказ не останавливает, и тогда дух Нанеферкаптах предлагает сыграть в шашки. Сетне трижды проигрывает, все глубже уходя в песок, и он говорит своему сводному брату принести амулеты отца Птаха, чтобы выбраться, после чего герой забирает книгу, несмотря на все предупреждения ее бывших владельцев

и Фараона. Спустя время с Сетне действительно случается несчастье: он влюбляется в знатную Табубу, которая, в обмен на любовную связь с ней, заставляет Сетне совершать плохие поступки, одним из которых стало убийство своих детей, а после связи оказывается, что вместо Табуби принц имел связь с человеком, рожденном в помете. После произошедшего принц возвращает книгу на место и навсегда закрывает проход к ней [Lichtheim 1980, p. 127–137].

К египетской литературе восходит образ уробороса, охраняющего магические артефакты (в сказке – атрибуты царской власти), а также «мотив скопища гадов и скорпионов как признак и “оборонительный рубеж” inferнального пространства» [Неклюдов 2023b, с. 39].

Образ змея, кольцом окружившего змеиное царство, мог формироваться под влиянием гностического «гимна о душе» (II в.) [Жданов, 1895, с. 47–51]. «Гимн изложен от лица юного парфянского царевича. Сопровождаемый двумя спутниками, он, по воле родителей, отправляется на запад, в Египет, чтобы принести оттуда драгоценную жемчужину, находящуюся в море, вокруг которого обвился громко шипящий змей. Царевич усыпляет его, берет жемчужину и возвращается на родину» [Жданов, 1895, с. 50 «Тьма крошечная есть великий дракон, хвост которого – в устах его; он вне всего мира и объемлет весь мир», «жемчужина, которую должен достать царевич, – искра света, запавшая в материальный мир из высшей области» [Маске, 1874, p. 54],

На образ змея в «Борме-Ярыжке» через «Сказание о Вавилонском царстве» и «Притчу о Вавилоне-граде» оказывали влияние библейские тексты: «Там [в Вавилоне] угнездится летучий змей, будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою...» (Ис 34:15). В «Откровении Иоанна Богослова» Вавилон описывается как разоренный и опустевший город, захваченный нечистью: «... пал, пал, Вавилон, велика блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу...» (Откр. 18:2).

Образ опустошенного Вавилона становится «общим местом» в средневековой литературе [Веселовский, 1876, с. 149] и в русском лубке [Ровинский, 1881, с. 265].

Змеиная царица в «Барме-Ярыжке» предстает как демоническая хозяйка Вавилона Марфа Вавилоновна, миксантропическое существо (полуженщина-полузмея), управляющая змеями и владеющая необходимыми герою реликвиями. Генезис ее образа – библейский: демоническая хозяйка, управляющая полчищем змей, восходит к сидящей во прахе, без престола «девице, дочери Вавилон» (Ис. 47:1).

Смоленская сказка о средневековая европейская литература («Долопатос, или о царе и семи волхвах»)

Первым приключением Федора Бармы-пьяницы после побега из змеиного царства является встреча с циклопом. Самым очевидным аналогом данного эпизода является пребывание в пещере Полифема из «Одиссеи» Гомера, однако данный мотив восходит не непосредственно к Гомеру, а к «апокрифическим» сочинениям о Троянской войне ее мнимых участников –

Диктиса Критянина (в переработке византийской «Хронографии» Иоанна Малалы; середина VI в.) и Дарета Фригийца – в редакции «Романа о Трое» французского историографа Бенуа де Сен-Мора (XII в.), которому в свою очередь следует латинский роман «История разрушения Трои» итальянца Гвидо де Колумна (1287), а также к византийской «Хронике Константина Манассии» (XII в.) [Conrad 2002, с. 1174 – 1184], [Неклюдов 2023b, с. 52].

Под образ одноглазых людей подходят не только народ циклопов, но и аримаспы, чья суть описана Геродотом при изложении незавершенной легенды об Аристее из Проконнеса, а это дает основание полагать, что для древнегреческой литературы, а в особенности, для фольклора, образ одноглазого великана не нов и не придуман лично Гомером.

Смоленская сказка о Барме-Ярыжке ближе всего к старофранцузскому латинскому сочинению «Долопатос, или о царе и семи волхвах» Иоанна Альтасильванского (1184–1212). Его русская редакция возникает под польским влиянием в XVII веке [Пыпин 1857, с. 251–262]. Можно выделить следующие черты сходства сказки и средневековой повести.

Во-первых, герой – вор и авантюрист, а не воин. Во-вторых, великан проживает в лесу, а не на далеком острове. В-третьих, герой вливает в здоровый глаз людоеда жидкость, притворившись доктором, собирающимся вылечить больной глаз антагониста. В-четвертых, великан – не одноглазый от рождения, как гомеровский Полифем, а «кривой», что значит потерю глаза антагонистом в течение жизни. В-пятых, герой прячется под брюхом барана, а животное не просто выходит из хижины хозяина, а пытается сообщить о герое людоеду и бодает последнего, после чего обозленный великан выкидывает за ограду барана с героем. В-шестых, после побега из логова великана, людоед предлагает герою заколдованный предмет, который намертво прилипает к конечности основного персонажа и ее приходится отрубить [Неклюдов 2023b, с. 54].

По мнению Лаистнера, «кривизна» великана из «Долопатоса» и других вариаций данного образа, например, Одноглазого Лиха, имеет скрытый смысл, обозначающий импотенцию антагониста, а окончательное ослепление героем имеет значение оскотления, лишаящего сил [Laistner 1889, с. 57-63]. Действительно, сказочный людоед не рождается одноглазым, а теряет орган в течение жизни (аналог спада половой активности); один из наиболее часто встречающихся признаков сказочного великана – его старость, о которой говорит его имя (Дед Шкуропет [Романов 1887, с. 205-211], старик [Ончуков 1908, с.149-153] и др.)

Заколдованный предмет, который великан оставляет герою в качестве ловушки, в смоленской сказке с первого взгляда имеет мало чего общего с золотым кольцом из «Долопатоса», так как сабля не кричит «Я здесь» и не выдает героя, а просто держит того на месте. Интересным является не сам предмет, а способ избавления героя от него – отрубание пальца, мотив которого имеет исторические корни и связан с обрядом инициации. Членовредительство является отличительным признаком человека, прошедшего этот обряд [Пропп

1986, с. 90-92]. Это указывает на связь между образами яги и одноглазого людоеда. Они находятся в мире мертвых. Победа над Бабой Ягой иногда происходит путем заливания ее глаз тестом, подобно тому как здорового глаза великана – жидкостью или металлом. Великан и яга являются хозяевами животных (диких у яги, баранов, коз – у людоеда). Яга и людоед живут в лесной хижине вдали от общества [Пропп 1986, с. 71-75].

Последним приключением для Федора Бармы-пьяницы становится встреча с борющимися львом и змеем. Данный мотив часто является прологом к сюжету «Силы хмеля», который отсутствует в смоленской записи, поэтому в данной статье будет рассмотрена только сражение двух животных и возвращение героя на льве. Истоком данного мотива выступает концовка устной истории о путешествии в Вавилон, рассказывающая о встрече героя, добывшего корону, с борющимися львом и змеем. Они не могут победить друг друга и герой, вспомнив пословицу «От змея добра не жди» помогает льву. Данный эпизод идентичен представленному у Добровольского, однако в последнем не объяснена причина, по которой герой решает помочь именно льву, а не змею.

Гораздо важнее символическое значение обоих животных: оба символизируют силу (поэтому никому из них не суждено одолеть соперника без помощи постороннего), однако данная сила у змея идет из нижнего мира, а у льва – от Бога, и тем самым сцена их битвы является метафорическим противопоставлением добра и зла. Герой выбирает помощь льву, т. е. силам света, и поэтому сюжет заканчивается счастливо: герой возвращается в Византию и в мире появляется новый держатель православия (Византия или Москва) [Eremina 2010, p. 115-116].

В статье Неклюдова рассматриваемый эпизод обозначается как представитель сюжета из тематической группы «благодарные животные» (ATU 554), в основе которых лежит два действия: 1) Определенная помощь льву в критический момент; 2) Ответная помощь благодарного животного герою (чаще всего вывод из леса).

Список литературы

Барсов Е. В. Исторический очерк чинов священного венчания на царство // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1883. Кн. 1. С. 1–35.

Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса в русском: Повесть о Вавилонском царстве // Славянский сборник. Т. 3. СПб.: Изд. Петербург. отд. Славянского комитета, 1876. С. 122–165.

Добровольская В.Е. Сюжет «Дух в голубом свете» в русской сказочной традиции: между фольклорной сказкой и авторским творчеством // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, №2. С. 113–136.

Добровольская В.Е. Сюжет ATU 510B «Peau d’asne» / СУС 510B «Свиной чехол» в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2019. Т. 20, №1. С. 20–30.

Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник Ч. 1. СПб.; М.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. 716 с.

Дробленкова Н.Ф. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 351–357.

Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князях Владимирских» // Журнал Министерства народного просвещения Ч. 276 [№ 6]. С. 247–288.

Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. 234 с.

Иванов В.В. Змей // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 468–471.

Каяниди Л.Г. Восточнославянские сказки о превращениях: семиотические, нарративные и жанровые парадоксы // Вестник славянских культур. Т. 46. 2017а. С. 132–144.

Каяниди Л.Г. Загадки смоленского фольклора: сказки, которые плохо кончаются (научно-методические материалы) // Русская словесность. 2022. №5. С. 89–98.

Каяниди Л.Г. Особенности смоленских фольклорных сказок, собранных В.К. Ефременковым: сюжетная синтагматика, семантика, структура // Русская филология: Ученые записки кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. Т. 17. 2017b. С. 312–330.

Каяниди Л.Г. Сказки типа 425М из Смоленской и Брестской области // Живая старина. №2 (102), 2019. С. 34–37.

Каяниди Л.Г. Структурно-семантическая типология метаморфозно-орнитологического сюжета восточнославянской сказки (СУС 425М) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 1. С. 56–93.

Каяниди Л.Г., Высокович К.О., Степченков Л.Л., Федоренко В.В. Фольклорный архив В.К. Ефременкова: материалы и исследования. Смоленск: Маджента, 2018. 188 с.

Неклюдов С.Ю. Золотое блюдо и рыбий смех: опыт семантического анализа мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023а. Т. 6, № 2. С. 12–48.

Неклюдов С.Ю. Сказочный сюжет как продукт литературно-фольклорного синтеза: казус AaTh 485A // Шаги/Steps. Т.9. № 3. 2023b. С. 30–86.

Никофоров А.И. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.

Ончуков Н.Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908.

Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: ЛГУ, 1986. 370 с.

Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. III. Витебск: Типография Г.А. Малкина, 1887. 444 с.

Тудоровская Е.А. Сказки о Борме Ярыжке (Вавилонское царство) //

Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Т. 16. М.; Л.: Наука, 1976. С. 173–185.

Bies W. Schlange // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Bd. 12. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 34–50.

Conrad J. A. Polyphem // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Bd. 10. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2002. S. 1174–1184.

Eremina V. An international tale-type: "The City of Babylon" // Folklorica. Vol. 15. 2010. P. 99–128.

Каянідзі Л. Структурна-семіятычныя і гісторыка-генетычныя асаблівасці беларускіх казак «Кумаў ложак» («Разбойнік Мадэі») (СYC 756B) // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні. Мінск: Беларус. навука, 2024. Вып. 11. С. 62–86.

Laistner L. Das Rätsel der Sphinx : Grundzüge einer mythengeschichte. Bd. 2. Berlin, 1889. 346 S.

Röhrich L. Drache, Drachenkampf, Drachentöter // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Bd. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 1981, S. 787–820.

Rezviy Andrey Artemovich
Smolensk State University
2nd year student
a.rezvyi@mail.ru

**THE SMOLENSK ODYSSEY: THE FAIRY TALE "FEDOR BARMA
THE DRUNKARD" FROM THE "SMOLENSK ETHNOGRAPHIC
COLLECTION" BY V.N. DOBROVOLSKY**

Keywords: genesis of fairy tale images; adventurous fairy tale; Borma-yaryzhka; areal features; Dobrovolsky; Odyssey; folklore; manuscripts; Babylon; Byzantium; royal regalia; cyclops; snake; one-eyed ogre; lion.

Annotation. In this article we will talk about the fabulous type 485 SUS "Borma-Yaryzhka". According to the plot of the fairy tale, the hero, on the orders of the king, enters a kingdom full of snakes, takes out regalia, after which he makes his way back, at the same time making some adventures: he enters into a false marriage with a hero and escapes, under the guise of healing, blinds a cyclops and escapes from a lion, to whom the hero made a promise and broke it, in all his blaming hops for sins. This type is notable for the fact that its roots go back to those ancient monuments of Russian and foreign writing, the connection between which is completely absent. The question of the causes of this connection is still open, and in modern Russian fairy-tale studies this incident is explained by the ascent of the fairy-tale type 485 to some lost literary source, in which individual motifs are combined into a whole plot. However, even with the available data, the genesis of the plot

elements of "Borma-yaryzhka" can be determined by analyzing the origin of each individual episode: the framing part (traveling for regalia) + bogatyrka, cyclops, lion. One should also not forget about the areal features of fairy tales belonging to this type. This article will focus on the Smolensk edition of the Borma-Yaryzhka type, called "Fedor Barma-drunkards", and more specifically about its genesis. This version is characterized by some general conciseness of content, since it completely lacks the episode "bogatyrka", and the episode "lion" is presented in a reduced way due to the absence of the motif "The Power of hops". During this study, it turned out that the Russian North had the greatest influence on the Smolensk fairy tale, which became the motivic epicenter for "Fyodor Barma the Drunkard"; the framing part of the tale goes back to two literary monuments, namely "The Legend of the Babylonian Kingdom" and "The Parable of Babylon the City", which is best seen in the images of Ouroboros and The snake queen; The episode "cyclops" goes back more to the plot, which is based on Homer's poem "Odyssey", "Dolopathos, or about the king and the Seven Magi", than to the ancient Greek epic in its original form.